

Фрэнсис Бёрнетт

Новый перевод

Алленский
Лорд
Фаунтлерой

перевод
Александра Жолдова

Фрэнсис Элиза Ходжсон Бёрнетт

**Маленький лорд
Фаунтлерой. Новый перевод**

«Издательские решения»

Бёрнетт Ф.

Маленький лорд Фаунтлерой. Новый перевод / Ф. Бёрнетт —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505776-1

Новый перевод Алексея Козлова романа Фрэнсис Бёрнетт «Маленький Лорд Фаунтлерой». Один из самых популярных детских романов Викторианской эпохи — роман английской писательницы Фрэнсис Бёрнетт — детский бестселлер конца XIX — начала XX века — о добром мальчике, с честью выходящем из жизненных передраг. Книга воплощает в себе идею классового мира в эпоху наступления социалистических идей и демонстрирует ограниченность буржуазной морали.

ISBN 978-5-00-505776-1

© Бёрнетт Ф.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	12
Глава III	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Маленький лорд Фаунтлерой

Новый перевод

Фрэнсис Бёрнетт

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Фрэнсис Бёрнетт, 2023

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2023

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2023

ISBN 978-5-0050-5776-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Седрик

Сам Седрик ничего об этом не знал. Ему об этом никто не говорил. Он знал, что его папа был англичанин, потому что мама говорила ему об этом; но потом папа умер, когда он был ещё совсем маленьким мальчиком, и он почти совсем не помнил его, за исключением того, что он был большой человек, с голубыми глазами и длинными усами, и что это было так великолепно – скакать на его плечах по комнате. После смерти отца Седрик понял, что о нём с мамой лучше не говорить. Когда отец захворал, Седрика забрали, а когда он вернулся, все было кончено; и его мать, которая тоже была очень больна, только начала садиться в своё кресло у окна. Она была очень бледной и худой, и все прелестные ямочки исчезли с её красивого лица, а глаза казались большими и печальными, не говоря о том, что теперь она была одета во всё черное.

– Дорогуша! – спросил Седрик (его папа всегда называл её так, и мальчик хорошо запомнил это), – Дорогуша, моему папе лучше?

Он почувствовал, как задрожали её руки, повернул свою кудрявую голову и посмотрел ей прямо в глаза. В её лице было что-то такое, что заставило его почувствовать, что она вот-вот разрыдается.

– Дорогуша, – повторил он, – с ним все в порядке?»

И вдруг его любящее маленькое сердце подсказало ему, что лучше бы обнять её крепко обеими руками за шею и поцеловать её снова и снова, прижимаясь своей нежной щекой к ее щеке; он так и сделал, а она склонила голову ему на плечо и горько заплакала, обнимая его так, словно не собиралась ни за что на свете отпускать.

– Да, он здоров, – всхлипнула она, – он совсем, совсем здоров, но у нас... у нас никого не осталось, кроме друг друга. Вообще никого!

Тогда, как ни был он юн, он понял, что его большой, красивый молодой папа больше никогда не вернется, понял, что он навсегда умер, как умирают другие люди, и опечалился, хотя и не мог понять, что именно вызвало всю эту печаль. Именно потому, что его мама всегда плакала, когда он заговаривал о своём папе, он втайне решил, что лучше не говорить с ней о нём слишком часто, и также понял, что лучше не позволять ей слишком долго, не двигаясь и не разговаривая, тихо сидеть и смотреть в огонь или в окно. Он и его мама знали очень мало людей и жили, как можно было бы подумать, очень одиноко, хотя Седрик не знал, что значит это жить одиноко, пока не стал старше и не понял, почему у них совсем нет гостей. Когда папа женился на ней, потом ему сказали, что его мама была сирота, и она совсем одна на свете. Она была очень хорошенькой и жила компаньонкой у богатой старой вдовы, которая была к ней не слишком добра, и однажды Капитан Седрик Эррол, заезжавший к ней домой, увидел, как она бежит по лестнице со слезами на глазах; и она выглядела при этом такой милой, невинной и печальной, что капитан не мог её забыть и в конце концов пленился ею. И после того, как в их жизнях произошло так много странных событий, они уже не только хорошо знали, но и нежно любили друг друга, и вскоре были женаты, хотя их брак доставил им много неприятностей из-за подлости кое-каких людишек. Но больше всех злился и неистовствовал отец капитана, который жил в Англии и был очень богатым и властным старым аристократом с очень дурным нравом и очень сильной неприязнью к Америке и ко всем американцам. У него было два сына постарше капитана Седрика; и по закону старший из этих сыновей должен был унаследовать фамильный титул и поместья, которые были очень богаты и великолепны; и всем было известно, что если старший сын умрет, то следующий будет наследником; так что, хотя он и был членом такой большой семьи, было мало шансов, что капитан Седрик сам по себе когда-либо обогатится.

Но случилось так, что природа одарила младшего сына добродетелями, которыми не одарила его старших братьев. У него было очень красивое лицо и прекрасная, сильная, грациозная фигура; у него была прекрасная улыбка и приятный, звонкий голос; он был храбр и великодушен, и у него было самое доброе сердце на свете, и казалось, что у него достанет силы заставить всех полюбить себя. С его старшими братьями дело обстояло много хуже: ни один из них не отличался ни красотой, ни добротой, ни тем более – умом. Когда они мальчиками учились в Итоне, с ними там никто не знал; потом, когда они пребывали в колледже, их совершенно не интересовала учеба, они тратили впустую всё своё время и деньги и почти не заводили настоящих друзей. Старый граф, их отец, был разочарован и постоянно унижен ими; его наследники не соответствовали благородному родовому имени и обещали стать в конце концов ничем иным, как эгоистичными, расточительными и ничтожными людьми, не обладающими ни мужеством, ни какими бы то ни было другими благородными качествами. Очень горько, думал старый граф, что сын, который был третьим и которого ожидало только очень небольшое наследство, оказался обладателем всех лучших даров Природы, завладел всеми прелестями, всей силой и красотой. Иногда он почти ненавидел этого красивого молодого человека за то, что тот, похоже, обладал как раз теми качествами, которые должны были сопутствовать его величественному титулу и его великолепным поместьям; и все же в глубине своего гордого, упрямого старого сердца он не мог не заботиться о своём младшем сыне. Во время одного из приступов гнева он отправил его в путешествие по Америке; он думал, что отсылает его на короткое время, чтобы успокоиться и перестать сердиться, постоянно сравнивая его и противопоставляя братьям, которые в то время доставляли ему столь много хлопот своими дикими выходками.

Но примерно через полгода ему стало так одиноко, что он втайне захотел снова увидеть сына, поэтому он написал капитану Седрику и приказал ему поскорее вернуться домой. Письмо, которое он написал, пересеклось по пути с другим письмом, только что написанным капитаном своему отцу, в котором он рассказывал о своей любви к хорошенькой американке и о своем намерении тут же жениться на ней; и когда граф получил это послание, он сразу же пришел в неистовую ярость. Каким бы дурным ни был его характер, никогда в жизни он не был во власти гнева так, как тогда, когда читал письмо капитана. Его камердинер, находившийся тут же в комнате, когда это случилось, подумал, что у его светлости почти наверняка случится апоплексический удар, настолько тот обезумел от ярости. Целый час он бесновался, как тигр в клетке, а потом сел и написал своему сыну, повелев ему никогда больше на пушечный выстрел не приближаться к отцовскому дому и никогда не писать ни отцу, ни братьям. Он сказал ему, что он может теперь жить, как ему заблагорассудится, и умереть там, где ему заблагорассудится, и что он навсегда будет отсечён от своей семьи и что ему никогда и ни за что на свете не дожидаться помощи от отца, пока тот будет жив.

Капитан был очень огорчен, когда прочел это письмо; он очень любил Англию и свой прекрасный дом, в котором когда-то родился; он любил даже своего гневливого старого отца и даже порой сочувствовал ему в его горестях и разочарованиях; но он твёрдо знал, что в будущем ему не следует ожидать от того слишком большой доброты. Поначалу он не понимал, что ему делать; трудиться он был не научен, у него не было никакого опыта в делах, но он был храбр и полон решимости преодолеть все препятствия. Поэтому он продал свой офицерский чин, который носил в английской армии, а после некоторых хлопот нашёл себе место в Нью-Йорке, где вскорости и женился. Прежняя спокойная жизнь в Англии закончилась. Перемены были очень велики, но он был молод и счастлив, и надеялся, что упорный труд и неустанная работа принесут ему в скором будущем большие успехи. Нет причин горевать и печалиться! У него был маленький домик на тихой английской улочке, и там родился его крошка сын, и всё складывалось так весело и хорошо, всё было так просто, и только потому, что ему вовремя пришлось в голову жениться на этой очень хорошенькой компаньонке богатой старухи-карги,

только потому, что она была так мила, и он так любил ее, зная, что и она любит его. Она была очень мила, и ее маленький сынок был как две капли воды похож как на мать, так и на отца. Хотя он родился в таком тихом и небогатом маленьком доме, казалось, что никогда не было в мире более счастливого ребёнка. Во-первых, он был очень здоровенький и поэтому никогда не доставлял никому никаких хлопот; во-вторых, у него был такой милый характер и такие очаровательные манеры, что он доставлял всем только удовольствие и радость; и в-третьих, он был так красив, что на него можно было засмотреться, как на картину, и смотреть практически бесконечно. В младенчестве, когда другие дети были ещё лысыми, он с первых дней жизни оказался обладателем мягких, тонких, золотистых волос, которые вились на концах и к шести месяцам уже ниспадали вниз свободными золотыми кольцами. Когда ему исполнилось шесть месяцев, у него оказались большие карие глаза, длинные ресницы и милое личико, помимо этого, у него был здоровый стан и такие великолепные крепкие ноги, что в девять месяцев он ни с того, ни с сего, вдруг научился свободно ходить; а его манеры были так хороши для ребенка, что любому в округе было приятно знакомиться и общаться с ним. Казалось, он чувствовал, что все вокруг – его лучшие друзья, и когда кто-нибудь заговаривал с ним, когда он ехал в своей карете по улице, он бросал на незнакомца ласковый, серьезный взгляд карих глаз, а потом наблюдал за ним с милой, дружелюбной и спокойной улыбкой; и в итоге не было ни одного человека по соседству на их тихой улице, где он жил – даже бакалейщика на углу, который считался самым сердитым существом на свете, – который не был бы рад лицезреть этого мальчугана и не испытывал бы желания говорить с ним. И с каждым новым месяцем своей юной жизни он становился всё прелестней и интересней.

Когда он подрос и стал достаточно взрослым, чтобы прогуливаться с няней, от всегда тащил за собой маленькую тележку, и на нём каждый раз был короткий белый шотландский килт и большая белая шляпа, ладно сидевшая на его жёлтой вьющейся шевелюре, он был таким красивым, сильным и румяным, что привлекал всеобщее внимание, и няня, возвращаясь домой, то и дело рассказывала его маме истории о дамах, которые останавливали свои экипажи, чтобы посмотреть на этого золотого мальчика и поговорить с ним, и о том, как они радовались, когда он заговаривал с ними в своей обычной, весёлой манере, они чувствовали себя так, как будто он знал их всегда. Его обаяние позволяло ему самым простым, веселым, беспронимчивым и естественным способом подружиться с людьми. Я думаю, это происходило оттого, что у него была очень доверчивая душа и очень доброе маленькое сердце, которое сочувствовало каждому и хотело, чтобы каждый чувствовал себя так же комфортно, как и он сам. Это помогло ему мгновенно понимать чувства окружающих. Может быть, в нём сказалось и то, что он так долго жил с отцом и матерью, которые всегда были любящими, внимательными, нежными и воспитанными родителями. Дома он никогда не слышал ни одного недоброго или грубого слова, его всегда любили, ласкали и относились к нему нежно, и поэтому его детская душа была полна доброты и невинного теплого и его всегда окружали естественные человеческие чувства. Он слышал, как его маму звали ласковыми, любящими словами, и поэтому он сам пользовался ими же, когда говорил с ней; он всегда видел, что его папа присматривает и очень заботится о ней, и поэтому он тоже учился быть заботливым.

Поэтому, когда он понял, что папа больше не вернется к нему, и увидел, как печальна его мама, в его доброе маленькое сердце постепенно вошла мысль, что он должен сделать всё возможное, чтобы снова сделать её счастливой. Он был ещё совсем младенцем, когда эта мысль посетила его, и потом уже никогда не покидала его – всегда, когда он взбирался к ней на колени, когда он целовал её и клал свою кудрявую головку ей на шею, когда он приносил ей свои игрушки и книжки с картинками, когда он тихо сворачивался калачиком рядом с ней, как она обычно лежала на диване. Он был недостаточно взрослым, чтобы знать, что еще можно сделать, поэтому делал все, что мог, и был для неё большим утешением, чем мог себе представить.

– О, Мэри! – он слышал, как она однажды сказала своему старой прислуге, – Я уверена, что всякий раз он пытается во всём помочь мне там, где может – я знаю, что это так. Иногда он смотрит на меня таким любящим, удивлённым взглядом, как будто ему жаль меня, и тогда он идёт ко мне и гладит меня или показывает мне что-нибудь. Он такой маленький, но я на самом деле думаю, что он всё знает!

Когда он стал старше и подросток, у него появилось множество причудливых маленьких занятий, которые очень забавляли и интересовывали людей. Он был таким незаменимым компаньоном для своей матери, что она почти не заботилась ни о ком другом и не искала ничьего общества. Они гуляли вместе, разговаривали и играли всегда вместе. Ещё совсем маленьким он научился читать, и часто по вечерам лежал на коврик у камина и читал вслух – порой сказки, порой большие серьёзные книги, из тех, какие читают взрослые люди, а иногда читал даже газету; и часто в такие минуты Мэри, сидя на кухне, слышала, как миссис Уотсон заходится от смеха, услышав, что он там сейчас ляпнул смешного.

– И еще, доложу я вам, – говорила Мэри своему бакалейщику, – нельзя не расхохотаться над его манерами и его старомодными приколами! Это настоящий аристократ! Раз он заявляется ко мне на кухню в тот самый день, когда избирали новых присяжных в суде, и стоя перед камином с таким невозможно важным видом, глубоко засунув ручки в карманы, похожий на сурового судью, с невинным видом и ангельским личиком, и говорит он мне:

«Мэри, – говорит он, – я очень занят выборами», – говорит он. – Итак, я республиканец, и моя Дорогуша тоже. – А ты, Мэри, тоже республиканка?» – «Нет, я демократка!», – говорю, – а он смотрит на меня такими глазами, что от его взгляды щемит сердце и восклицает: «Ах, Мэри, – , – акститесь, вы доведете страну до гибели!..» И с тех пор не было дня, чтобы он не старался перековать мои политические убеждения. Сорра немного, – говорю я.; -Я Бист о'димикратс! – И он смотрит на меня таким взглядом, что у тебя защемило сердце, и говорит: «Мэри, – говорит он, – страна рухнет. И ни одного дня с тех пор, как он отпустил меня, он не хотел, чтобы я изменил свою политику.»

Мэри очень любила его и очень гордилась им. Она была с его матерью с самого его рождения, а после смерти отца стала кухаркой, горничной, сиделкой и всем остальным. Она гордилась его изящным, сильным маленьким телом и красивыми манерами, а особенно гордилась светлыми выющимися волосами, которые волнами падали ему на лоб и волнами разлетались по плечам. Она была готова работать не покладая рук, готова вставать с первыми петухами и ложиться с последней звездой, чтобы помочь его маме шить его маленькие костюмы и держать их в порядке – чистыми и выглаженными.

– Какой благородный малыш, не правда ли? – говорила она, – Настоящий аристократ! Послушайте, сыщется ли даже на Пятой Авеню такой красивый ребёнок, ребёнок, который годится этому хотя бы в подмётки? Все мужчины, женщины и дети смотрят на него, как он щеголяет в чёрном бархатном килте, сшитом из старого хозяйского платья, и его маленькая голова гордо поднята, и его кудрявые волосы развеваются и блестят. Он так похож на молодого прекрасного лорда!

Седрик не знал, что он похож на молодого лорда; он и слов-то таких не слыхивал! Его самым большим другом был бакалейщик, торговавший на перекрёстке – бакалейщик очень сердитый, но который при этом никогда не сердился на него. Его звали Мистер Гоббс, и Седрик всегда восхищался им и очень уважал. Он считал его чрезвычайно богатым и влиятельным человеком, ведь у него было так много нужных вещей в магазине – чернослив, инжир, апельсины и печенье, – и у него была своя лошадь и повозка. Седрик любил ещё и молочника, и булочника, и продавщицу яблок, но ему больше всего нравился и Мистер Джордан Гоббс. Мистер Гоббс был для него лучше всех и он был с ним в таких близких, приятельских отношениях с ним, что ходил к нему каждый день и часто подолгу сидел напротив, обсуждая разные актуальные вопросы. Было удивительно, как много вещей они нашли, о которых

можно было побеседовать Четвертое Июля, к примеру. Когда они заговорили о Четвертом Июля, казалось, что их разговорам не предвидится конца-краю. Г-н. Гоббс был очень плохого мнения об «англичанах», и он не переставая рассказывал всю историю американской революции от начала до конца, приплетая сюда очень замечательные и патриотические истории о злодействе врага и храбрости неизвестных революционных героев, и однажды даже великодушно на свой лад пересказал часть Декларации Независимости.

От всего этого Седрик был так взволнован, что глаза его сияли, щеки алели, а кудри растрепались на ветру и спутались в желтую копёнку. Ему не терпелось поскорее поужинать после возвращения домой, так ему хотелось все рассказать маме. Возможно, именно Мистер Хоббс впервые пристрастил его к политике. Мистер Хоббс любил читать газеты, и поэтому Седрик досконально знал всё о том, что происходит в Вашингтоне; и Мистер Хоббс поучал его и объяснял в каждом конкретном случае, выполняет ли президент свой долг или нет. А однажды, когда были выборы, он нашёл их абсолютно грандиозными, с умным видом долго рассуждал о них, и вероятно, если бы не мистер Хоббс и Седрик, страна наверняка свалилась бы в пропасть и погибла.

Потом Мистер Хоббс повёл его смотреть на большое факельное шествие, и многие из тех, кто нес факелы, потом вспоминали толстяка, стоявшего у фонарного столба и державшего на плече красивого маленького кричащего мальчика, который бурно размахивал в воздухе своей новенькой фуражкой.

Вскоре после этих выборов, когда Седрику было лет семь-восемь, произошла очень странная вещь, которая так чудесно изменила его жизнь. Весьма прелюбопытно было и то, что в тот день, когда это случилось, он долго разговаривал с мистером Хоббсом об Англии и Королеве, а Мистер Хоббс, сдвинув густые брови, извергал очень суровые вещи об аристократии, почему-то оставив в тени баронов и особенно негодуя только против графов и маркизов. Утро было жаркое, и, поиграв в солдатики со своими друзьями, Седрик отправился в лавку отдохнуть и застал там Мистера Дж. Хоббса, очень свирепо взирающего на страницу «Иллюстрированных Лондонских Новостей». Там была изображена какая-то придворная церемония.

– Ах, – вздохнул он, – вот так они и жируют теперь, но когда-нибудь покорным рабам это надоест, и тогда те, на ком они ездили, поднимутся и порвут их всех на куски – всех этих графов, маркизов и все такое прочее! Он приближается, этот день! Не так уж и долго ждать осталось!

Седрик, как обычно, уселся на высокий табурет, сдвинул шляпу на затылок и засунул руки в кармашки в знак пределикатнейшего поклонения всезнающему мистеру Хоббсу.

– Вы когда-нибудь общались с маркизами, Мистер Хоббс? – сведомился Седрик, – или графьями?»

– Нет! – с негодованием отверг это предположение мистер Хоббс, – Конечно же – нет. Я хотел бы поймать одного из них здесь, вот и все! Я не потерплю никаких хватких тиранов, зарящихся на мои бочонки с крекерами!»

В своём возмущении сильными мира сего он был великолепен.

И было видно, что он гордится этим замечательным чувством – здесь он выпрямился, гордо огляделся и вытер лоб.

– Может быть, они и не были бы графами, если бы знали об этом столько же, сколько знаем мы? – предположил Седрик, испытывая какое-то смутное сочувствие к несчастной судьбе и горестному состоянию всех графов и баронов планеты Земля.

– Как бы не так!? – рявкнул мистер Хоббс, – Они просто похваляются этим! Это в них сидит! Это самодовольство приколочено к ним как будто гвоздями! Нет! Что ни говори, они скверные парни!

Разговор был в самом разгаре, когда появилась Мэри.

Седрик подумал, что она пришла прикупить немного сахара, но это было не так. Она была очень бледна и как будто была чем-то взволнована.

– Дорогой мой! Скорее возвращайся домой! – сказала она, – Мама хочет тебя видеть!

Седрик соскользнул с табурета.

– Она хочет, чтобы я пошел с ней на прогулку, Мэри? – спросил он. – Доброй ночи, мистер Хоббс! Мы еще увидимся!

Он удивился, увидев, что Мэри ошарашенно смотрит на него, и ещё больше удивился, потому что она продолжала качать головой.

– В чем дело, Мэри? – спросил он, – Это из-за жары?

– Нет! – ответила Мэри! – Нет! Странные вещи, господа, боже ты мой, творятся здесь с нами!

– Неужели от Солнца у моей Дорогуши разболелась головушка? – с тревогой спросил он.

Но дело оказалось совсем не в том. Когда он добрался до дома, перед дверью стояла коляска, а в маленькой гостиной кто-то разговаривал с его мамой. Мэри повлекла его вслед за собой наверх, облачила в самый лучший, парадный летний костюм из кремовой фланели с красным шарфом вокруг талии и тщательно расчесала его прекрасные выющиеся локоны.

– Лорды, не так ли? Опять эти лорды! – Седрик услышал, что сказала Мэри, – И пэры пусть катятся туда же, и лорды. Ох! К ним и на бешеной козе, поди, не подъедешь! Лорды, держиморды, что может быть хуже! Пользы от них никакой! Господа, боже ты мой!

Всё это было действительно в высшей степени странно, но Седрик был уверен, что мама скоро разъяснит ему, что означают все эти неожиданные тревобления, и поэтому он позволил Мэри поливать себя слезами, не задавая лишних вопросов. Одевшись, Седрик сбежал вниз и влетел в гостиную. В кресле сидел высокий худой пожилой джентльмен с вытянутым лицом и пронизательным, режущим взглядом. Мать стояла рядом с ним с бледным лицом, и Седрик вдруг увидел, что в её глазах наворачиваются слезы.

– О! Седди! – внезапно воскликнула она, подбежала к своему мальчугану, схватила его на руки и поцеловала испуганно и встревожено, – О! Седди, дорогой!

Глава II

Вести из прошлого

За всю последующую неделю не было более изумленного маленького мальчика, чем Седрик; и не было недели более странной и фантастической. Во-первых, история, которую рассказала ему мама, была очень любопытной и завораживающей. Ему пришлось прослушать её два или три раза, прежде чем он смог что-то понять. Он не мог даже представить себе, что подумает и скажет об этом мистер Хоббс. И вот что это была за история.

Всё началось, как и полагается начаться любой истории – с яйца – с графов: его дедушка, которого он никогда не видел, как оказалось, был графом; и его кузен, если бы он не погиб, упав с лошади на мусорную урну, со временем тоже стал бы графом; а после его смерти другой его дядя стал бы графом, если бы внезапно не окочурился, в Риме, от скоротечной крысьей лихорадки. После этого его собственный папа, если бы был жив, тоже стал бы графом на свою голову, но, поскольку все они нарезали кони и в живых остался только Седрик, оказалось, что он теперь он в единственном числе станет графом после смерти незабвенного дедушки, и будет графом, пока тоже в конце концов не окочурился или не свалится с лошади. А пока что он был просто лордом Фаунтлероем.

Когда ему впервые сказали об этом, он стал бледен как полотно.

– О! Дорогуша! – сказал он в глубоком волнении, – Честно говоря, я бы предпочёл не быть графом! Ни один из мальчиков в округе не является графом! Разве я не могу быть одним из них?

Но это оказалось неизбежным. И когда в тот вечер они сидели вдвоем у открытого окна, выходящего на их убогую улицу, он и его мать долго говорили об этом. Седрик сидел на скамеечке для ног, обхватив одно колено в своей излюбленной позе, и лицо у него было растерянное, слегка покрасневшее от напряжения и дум. Дедушка послал за ним, чтобы он оставил свой дом и приехал к нему в Англию, и мама решила, что он должен отправиться туда.

– Это надо сделать, – сказала она, печально глядя в окно, – потому что, я знаю, что твой папа хотел бы, чтобы это было так, Седди. Он очень любил свой дом, и к тому же есть много вещей, как говорил друг Горацио, которые маленький мальчик никогда не сможет понять до конца. Я была бы слишком эгоистичной маленькой матерью, если бы не послала тебя. Когда ты станешь мужчиной, ты поймешь всё.

Седди скорбно покачал головой.

– Мне будет очень жаль расставаться с мистером Хоббсом, – сказал он. – Я боюсь, что он будет скучать по мне, а я буду скучать по нему. И я буду скучать по всем вам!

Когда на следующий день приехал Мистер Хэвишем – семейный адвокат графа Доринкорта, посланный им за лордом Фаунтлероем в Англию, – Седрик услышал много нового. Но почему-то его не утешало известие о том, что скоро он станет очень богатым человеком, и когда вырастет, у него будут замки здесь и замки там, и большие парки, и глубокие шахты, и большие поместья, и разные землевладения. Он беспокоился о своем друге, Мистере Хоббсе, и вскоре после завтрака отправился к нему в магазин, пребывая в сильном душевном волнении.

Он застал его за чтением всегдашней утренней газеты и подошел к нему с серьезным видом. Седрик на самом деле чувствовал, что для мистера Хоббса будет большим потрясением узнать, что с ним случилось, и по дороге в магазин обдумывал, как бы поделикатнее сообщить другу эту новость.

– Привет! – сказал мистер Хоббс. – Доброе утро!

– Доброе утро! – сказал Седрик.

Он не стал взбираться, как обычно, на высокий табурет, а сел на коробку из-под крекеров, обхватив колени руками, и несколько мгновений молчал так тихо, что мистер Хоббс наконец вопросительно поднял глаза поверх газеты.

– Привет! – повторил он.

Седрик собрал всю свою силу духа воедино и начал.

– Мистер Гоббс, – сказал он, – скажите, вы помните, о чём мы говорили вчера утром?

– Ну, – ответил мистер Гоббс, – мне кажется, это была Англия!

– Да, – сказал Седрик, – но как раз тогда, когда Мэри пришла за мной!

Мистер Гоббс потёр затылок.

– Мы говорили о королеве Виктории и аристократии. Не так ли?

– Да, – довольно неуверенно сказал Седрик, – и... и графы, разве вы не помните?

– Да, конечно, – ответил мистер Гоббс, – мы их немножко причесали против шерстки, не так ли?

Седрик покраснел до кудрявой челки на лбу. Никогда в жизни с ним не случилось ничего более стыдного, чем это. Он немного опасался, что это может немного смутить и Мистера Гоббса.

– Вы сказали, – продолжил он, – что не хотите, чтобы они сидели на ваших бочонках с крекерами.

– Так я и сделал! – решительно ответил мистер Гоббс, – И я не шутил. Пусть попробуют – и посмотрим тогда!

– Мистер Гоббс, – сказал Седрик, – на этом ящике сейчас расселся один из них!

Мистер Гоббс чуть не выпрыгнул из кресла.

– Что? воскликнул он.

– Да! – объявил Седрик с должной скромностью, – я один из них – или собираюсь им стать. Я не буду вас обманывать, это так!

Мистер Хоббс выглядел взволнованным. Он вдруг встал и пошел взглянуть на термометр.

– Моча ударила тебе в голову! – воскликнул он, обернувшись, чтобы всмотреться в лицо своего юного друга. – Сегодня такой жаркий день! Как ты себя чувствуешь? Голова не болит? Когда у тебя стало портиться самочувствие?

Он положил свою большую руку на голову мальчика. Седрику стало так неловко, как не было никогда.

– Спасибо, – сказал Седди, – со мной все в порядке. С моей головой тоже всё в порядке. К сожалению, это правда, Мистер Гоббс. Именно за этим Мэри и приехала, чтобы забрать меня домой. Мистер Хэвишем рассказывал обо всём моей маме, а он адвокат и всё знает.

Мистер Гоббс опустил в кресло и вытер лоб платком.

– У одного из нас солнечный удар! – воскликнул он.

– Нет, – возразил Седрик, – нам придется постараться привыкнуть к этому, мистер Гоббс. Мистер Хэвишем приехал из Англии, чтобы рассказать нам об этом. Его прислал мой дедушка.

Мистер Гоббс дико уставился на невинное, серьезное личико перед собой.

– А кто твой дедушка? – наконец спросил он.

Седрик сунул руку в карман и осторожно вытащил листок бумаги, на котором что-то было написано его собственным круглым неправильным почерком.

– Я не мог легко запомнить его, поэтому записал его на бумажке, – сказал он. И он медленно прочел вслух:

«Джон Артур Молинье Эррол, Граф Доринкорт» – Вот как его зовут, и он живет в замке – кажется, в двух или трех замках. И мой папа, который умер, был его младшим сыном, и я не был бы лордом или графом, если бы мой папа не умер, и мой папа не был бы графом, если бы его два брата не умерли. Но все они умерли, и нет никого, кроме меня, – ни одного

мальчика, – и поэтому я должен стать одним из них! И мой дедушка послал за мной, чтобы я приехал в Англию!

Мистеру Гоббсу становилось все жарче и жарче. Он вытер лоб и лысину и тяжело вздохнул. Он начал замечать, что случилось что-то очень замечательное; но когда он взглянул на мальчика, сидевшего на коробке с крекерами, с невинным, тревожным выражением в детских глазах, и увидел, что он совсем не изменился, а остался таким же, как вчера, – просто красивым, весёлым, храбрым мальчиком в синем костюме и с красной ленточкой на шее, – однако все эти сведения о дворянстве привели его в недоумение и ступор. Он был тем более сбит с толку, что Седрик произнес это имя с такой простодушной простотой, совершенно не отдавая себе в этом отчета.

– Что ты сказал? Как? Повтори пожалуйста, как тебя зовут? – осведомился мистер Гоббс.

– Вот как! «Седрик Эррол, лорд Фаунтлерой», – ответил Седрик, – Так меня называл Мистер Хэвишем. Когда я вошел в комнату, он сказал: – А это маленький лорд Фаунтлерой!

– Ну, ты даёшь, – сказал мистер Гоббс, – чёрт бы тебя побрал!

Это было восклицание, которое он всегда использовал, когда был чересчур удивлен или взволнован. Он не мог придумать, что еще сказать в этот знаменательный момент.

Однако Седрик полагал, что это вполне нормальное и подходящее словоизвержение. Его уважение и привязанность к мистеру Гоббсу были столь велики, что он восхищался всем и одобрял все его замечания. Он еще не достаточно наблатыкался в высшем свете, чтобы понять, что иногда Мистер Хоббс не совсем соответствует правилам хорошего поведения. Он, конечно, знал, что мистер Гоббс ведёт себя не совсем так, как его мама, но ведь его мама была леди, и ему казалось, что леди всегда чем-то отличаются от джентльменов.

Он задумчиво посмотрел на мистера Гоббса.

– До Англии пока еще далековато, не так ли? – спросил он.

– Это за Атлантическим океаном! – ответил мистер Гоббс.

– Ну и сюрприз! – сказал Седрик, – Возможно, вскоре я очень долго не увижу тебя. Честно говоря, мне об этом вообще не хочется думать, мистер Гоббс.

– Ничего не попишешь! И лучшим друзьям приходится расставаться! – сказал мистер Гоббс.

– Ну, конечно, – сказал Седрик, – мы ведь дружим уже много лет, не так ли?

– С самого твоего рождения, – ответил мистер Хоббс, – Тебе было около шести недель, когда вы впервые вышли на улицу!

– Ах, – вздохнул Седрик, – я и не думал, что мне придется стать графом!

– Вы думаете, – сказал мистер Хоббс, – что этого не избежать?

– Боюсь, что нет, – ответил Седрик. – Мама говорит, что папа, если бы был жив, хотел бы, чтобы я отправился в Англию. Но если мне придется стать графом, я могу сделать только одно: постараться быть хорошим графом. И человеком! Я не собираюсь быть тираном. И если когда-нибудь будет ещё одна война с Америкой, я постараюсь её избежать!

Его разговор с мистером Гоббсом был долгим и серьёзным. Оправившись от первого потрясения, мистер Гоббс уже не был таким злопамятным, как можно было бы ожидать от него; он попытался смириться с ситуацией и, прежде чем беседа подошла к концу, задал Седрику множество вопросов. Так как Седрик мог ответить лишь на очень немногие из них, Гоббс принялся отвечать на них сам и, будучи достаточно начитанным на тему графов, маркизов и лордов, и при этом разъяснил многие вещи таким образом, что, вероятно, донельзя удивил бы мистера Хэвишема, если бы этот джентльмен случайно подслушал их беседу.

Нечего и говорить, мистера Хэмишема и без этого многое удивляло. Вся его жизнь прошла в Англии, и поэтому он совершенно не знал обычаев американцев. Без малого сорок лет он был адвокатом старого графа Даринкорта, и само собой разумеется, как свои пять пальцев знал все про его обширные, великолепные владения, его огромное богатство и общественный вес,

и поэтому теперь с холодноватым любопытством присматривался к этому маленькому мальчику, которому предстояло стать наследником всего этого несусветного богатства.

Когда Мэри провела его в маленькую гостиную, он критически оглядел ее. Она была обставлена просто, но со вкусом; здесь не было ни обычных дешёвых безделушек, ни аляповатых безвкусовых картин; немногочисленные украшения на стенах были прекрасного качества, а в комнате было вообще много красивых вещей, которые могли появиться здесь только благодаря заботливой женской руке.

«Пока все не так уж и плохо, – сказал он себе, – но, может быть, на всё это наложил отпечаток вкус капитана?»

Но когда миссис Эррол вошла в комнату, он стал думать, что она сама могла иметь к этому какое-то отношение. Если бы он не был вполне сдержанным и чопорным старым джентльменом, то, вероятно, вздрогнул бы, увидев ее. В простом чёрном платье, плотно облегавшем ее стройную фигуру, она больше походила на молодую девушку, чем на мать семилетнего мальчика. У неё было красивое, печальное, молодое лицо и очень нежный, невинный взгляд больших карих глаз – невероятно печальный взгляд, который никогда не сходил с её лица с тех пор, как умер её муж. Седрик привык видеть её такой; она оживлялась только тогда, когда он играл или разговаривал с ней, и при этом употреблял какое-нибудь старомодное выражение, или использовал какое-нибудь причудливое слово, которое он вычитал из газет или обрёл в своих нескончаемых разговорах с мистером Хоббсом. Он любил употреблять длинные, странные слова и всегда радовался, когда они заставляли её хохотать во всё горло, хотя и не мог понять, почему они были смешны для неё. Но теперь пришло время серьёзных дел. Опыт адвоката научил мистера Хэмишема очень проницательно разбираться в людях, и как только он увидел мать Седрика, то понял, что старый граф совершил большую ошибку, посчитав ее вульгарной, корыстолюбивой и жадной женщиной. Мистер Хэвишем никогда не был женат, он даже никогда не был влюблён, но он догадался, что это милое юное создание с нежным голосом и печальными глазами вышло замуж за капитана Эррола только потому, что она любила его всем своим нежным сердцем, и что она никогда не считала важным, что он был сыном графа. И он понял, что у него не могло быть никаких проблем с ней, и он начал ощущать, что, возможно, Маленький лорд Фаунтлерой не будет таким уж испытанием для этой благородной семьи, в конце концов. Капитан был красивым парнем, а молодая мать – очень хорошенькой девушкой, и, возможно, мальчик в будущем станет очень хорош собой.

Когда адвокат сказал Миссис Эррол, зачем пришел, она сильно побледнела.

– О! – сказала она, – неужели вы хотите отнять его у меня? Мы так любим друг друга! Он для меня такое счастье! Он – всё, что я име! Я старалась быть хорошей матерью ему.

И её нежный юный голос задрожал, а на глаза навернулись слезы.

«Вы никогда не поймёте, кем он был для меня!» сказала она.

Адвокат откашлялся.

«Я вынужден сообщить вам, – сказал он, – что граф Доринкорт не очень-то дружелюбен по отношению к вам. Он старый человек, и его предрассудки очень стойки. Он всегда особенно не любил Америку и американцев и был очень взбешен женитьбой своего сына. Мне очень жаль, что я являюсь носителем столь неприятного сообщения, но он твердо решил не видеться с вами. Его план состоит в том, чтобы лорд Фаунтлерой получил образование под его собственным руководством и впоследствии жил с ним. Граф всей душой привязан к замку Доринкорт и проводит там львиную часть своего времени. Он – стандартная жертва воспалительной подагры и потому очень не любит Лондон. Поэтому лорд Фаунтлерой, скорее всего, будет жить главным образом в Доринкorte. Граф предлагает вам в качестве жилища домик привратника, который расположен в приятном месте, и находится не очень далеко от замка. Он также предлагает вам приличное содержание. Лорду Фаунтлерой будет позволено навещать вас; единственное условие – вы сами не должны навещать его и входить в ворота парка. Видите ли, вы

не будете по-настоящему разлучены со своим сыном, и я уверяю вас, мадам, условия не так суровы, как могли бы быть. Преимущество такого окружения и образования, как будет у лорда Фаунтлероя, я уверен, вы сами увидите, будет очень велико.»

Он чувствовал себя немного неловко, боясь, что она расплачется или устроит сцену, как, он знал, поступили бы многие женщины. А его смущало и раздражало, когда женщины плачут.

Но она этого не сделала. Она подошла к окну и несколько мгновений стояла, отвернувшись, и он увидел, что она пытается взять себя в руки.

– Капитан Эррол очень любил Доринкорт, – наконец промолвила она, – Он любил Англию и всё английское. Его всегда огорчало, что он был вынуждён расстаться со своим домом. Он гордился своим домом и своим именем. Он хотел бы – я знаю, что он хотел бы, чтобы его сын узнал прекрасные старые места и воспитывался таким образом, чтобы это соответствовало его будущему положению.

Потом она вернулась к столу и встала, очень приязненно глядя на Мистера Хэвишема.

– Мой муж, я уверена, хотел бы этого, – сказала она, – Так будет лучше для моего маленького мальчика. Я знаю, я уверена, что граф не будет столь жесток, и не попытается научить его не любить меня; и я знаю – даже если бы он попытался, – что мой маленький мальчик слишком похож на своего отца, чтобы причинить мне какой-либо вред. У него тёплая, верная душа и доброе сердце. Он любил бы меня, даже если бы мы были в разлуке, а если к тому же мы сможем видеться, я не буду очень страдать.

«Она очень мало думает о себе! – подумал адвокат, – Ей даже не приходит в голову ставить какие-либо условия!»

– Мадам, – сказал он вслух, – Я очень высоко ценю и приветствую ваше гуманное отношение к сыну. Он возблагодарит вас за это, когда станет мужчиной. Уверяю вас, лорд Фаунтлерой будет очень хорошо охраняться и граф приложит все усилия, чтобы обеспечить его счастье. Граф Доринкорт будет так же озабочен своим комфортом и благополучием, как и вы сами!

– Я надеюсь, – сказала нежная маленькая мама довольно прерывающимся голосом, – что дедушка полюбит Седди! У маленького мальчика такая нежная душа, и его всегда все любили!

Мистер Хэвишем снова закашлялся. Он не мог даже представить себе, чтобы подагрический, вспыльчивый старый граф смог полюбить кого-нибудь очень сильно, но он знал, что в его интересах было быть добрым, хотя бы по расчёту, к ребёнку, который должен был стать его единственным наследником. Он знал также, что если бы Седди оказался достоин его имени, то дед несомненно гордился бы им.

– Я уверен, что лорду Фаунтлерою будет там удобно! – сказал он, – Граф желает, чтобы вы были достаточно близко к мальчику, и имели возможность часто видеться с ним, всё это только ради его счастья.

Он не думал, что будет благоразумно повторить точные слова графа, которые на самом деле не были ни вежливыми, ни любезными.

Мистер Хэвишем предпочел выразить предложение своего благородного патрона более мягким и учтивым языком.

Он испытал еще один лёгкий шок, когда миссис Эррол попросила Мэри найти ее маленького мальчика и привести его, и Мэри сказала, где он находится.

– Конечно, я сейчас же приведу его, сударыня, – сказала она, – потому что он у мистера Гоббса – они там, как ни в чем не бывало, рассиживаются на тарных ящиках между мыла, свечей или корзин с картофелем и рассуждают о большой политике, или играют во что-нибудь.

– Мистер Гоббс знает его всю жизнь, – сказала миссис Эррол адвокату, – Он очень добр к Седди, и между ними большая дружба.

Он вспомнил, как мельком видел магазин, когда проходил мимо него, с этими всегдашними бочками с картошкой и яблоками, и всякими вещами и разносолами, мистер Хэвишем почувствовал, что оживают его всегдашние сомнения. В Англии сыновья джентльменов не вели

дружбу с бакалейщиками, и было очень неловко, если бы у ребенка были дурные манеры и склонность пропадать в дурной компании. Одно из самых горьких унижений в жизни старого графа заключалось в том, что его два старших сына любили кутить в компании с простолюдинами. Может быть, подумал он, что этот мальчик разделяет их скверные качества, а не хорошие свойства его отца?

Он с тревогой думал об этом, разговаривая с миссис Эррол, пока ребенок не вошёл в комнату. Когда дверь открылась, он немного помедлил, прежде чем взглянуть на Седрика. Возможно, многим людям, которые знали его, показалось бы очень странным, если бы они могли узнать любопытные ощущения, которые испытал мистер Хэвишем, когда взглянул на мальчика, который бросился в объятия своей матери. Он испытал трепет, чувство, которое захватило его. В одно мгновение он понял, что это был один из самых красивых и прелестных малышей, которых он когда-либо видел.

Его красота не была уж совсем необычной. У него было сильное, гибкое, изящное маленькое тело и мужественное маленькое лицо; он поднял свою детскую головку и храбро держал себя в руках; он был так похож на своего отца, что это было просто поразительно; у него были золотые волосы отца и карие глаза матери, но в них не было ничего печального или робкого. Это были невинные, бесстрашные глаза; он выглядел так, словно никогда никого в жизни не боялся и никогда не сомневался ни в чём.

«Он самый красивый, самый прелестный малыш, которого я когда-либо видел!», – думал мистер Хэвишем. То, что он сказал вслух, было попроще:

– Итак, как я вижу, предо мной – маленький лорд Фаунтлерой!

И впоследствии, чем больше он наблюдал за маленьким лордом Фаунтлероем, тем больше удивлялся. Он очень мало знал о детях, хотя видел в Англии их очень много – прекрасных, красивых, радостных девочек и мальчиков, о которых заботились их воспитатели и пеклись гувернантки, и которые иногда были стеснительны, а иногда оказывались мелкими, шумными щалунами, но никогда они не были очень интересны для замкнутого, чопорного, жёсткого старого адвоката. Возможно, его личный интерес к судьбе маленького лорда Фаунтлероя заставил его присмотреться к Седди больше, чем он присматривался к другим детям; но, как бы то ни было, он определенно обнаружил, что тот притягивает его внимание так сильно, как никто. И он стал пристально наблюдать за ним.

Седрик не знал, что за ним ведётся слежка, и вёл себя в своей обычной манере. Он дружески пожал руку мистеру Хэвишему, и когда они были представлены друг другу, отвечал на все его вопросы с той неослабной готовностью, с какой всегда отвечал мистеру Гоббсу. Он не был ни стеснительным, ни дерзким, и когда мистер Хэвишем разговаривал с его матерью, адвокат заметил, что Сэдди слушает его речи с таким же интересом, как если бы он был вполне сложившимся, взрослым человеком.

– Мне кажется, перед нами очень зрелый маленький мужчина! – наконец сказал мистер Хэвишем матери Сэдди.

– Я думаю, вы правы, потому что о некоторых вещах он судит не по годам зрело! – ответила она, – Он всегда очень быстро учился и много общался со взрослыми людьми. У него есть забавная смешная привычка использовать длинные, причудливые слова и выражения, которые он вычитал в книгах или слышал от других, но он очень любит и детские игры. Я думаю, что он довольно умен, но иногда он ведет себя как настоящий мальчишка!

В следующий раз, когда мистер Хэвишем столкнулся с ним, он убедился, что последнее было совершенно верно. Когда его экипаж заворачивал за угол, он увидел группу совсем маленьких мальчишек, которые явно были очень сильно возбуждены. Двое из них собирались бежать наперегонки, и один из них был его юной светлостью, и кричал так громко, как самый буйный из его спутников. Он стоял бок о бок с другим мальчиком гордо выставив маленькую красную ножку.

– Раз, на старт! – завопил стартер, – Два, готовсь! Три – пошёл!

Мистер Хэвишем поймал себя на том, что высовывается из окна своего купе со странным чувством интереса. Он действительно никогда не видел ничего подобного. Красные чулки его светлости так и мелькали вместе с его панталонами, когда он оторвался от Земли и бросился бежать по сигналу. Его маленькие руки были сжаты в кулачки, он с удовольствием подставлял лицо свежему ветру, и светлые кудри струились сзади.

– Ура, Сед Эррол! – закричали все мальчишки, приплясывая и визжа от возбуждения. – Ура, Билли Уильямс! Ура, Седди! Ура, Билли! Ура! – Рэй! – Рэй! Давай!»

– Я уверен, что он победит! – сказал мистер Хэвишем. То, как красные ноги летали и мелькали вверх и вниз, крики мальчиков, дикие усилия Билли Уильямса, чьи коричневые чулки мелькали чуть сзади, и он уже почти наступал на красные пятки – всё это заворожило его. «Я действительно... я действительно уверен, что он победит! – сказал он, виновато покашливая. В этот момент самый дикий вопль поднялся над танцующими, прыгающими мальчиками. Одним последним отчаянным прыжком будущий граф Доринкорт первым достиг фонарного столба в конце квартала и коснулся его, за две секунды до того, как Билли Уильямс, тяжело дыша, бросился на него.

– Троекратное ура Седди Эрролу! – завопили мальчишки. – Ура Седди Эрролу!

Мистер Хэвишем высунул голову в окно своего экипажа и с холодной улыбкой откинулся назад.

– Браво, Лорд Фаунтлерой! Браво! – сказал он.

Когда его карета остановилась перед дверью дома миссис Эррол, победитель и побежденный в сопровождении шумной команды возвращались домой. Седрик прошёл мимо Билли Уильямса и заговорил с ним. Его личико было красным от возбуждения, кудри прилипли к горячему влажному лбу, руки засунуты глубоко в карманы.

– Видите ли, – заговорил он, очевидно, с намерением облегчить тяжесть поражения своего незадачливого соперника, – я думаю, что победил, лишь потому, что мои ноги чуть длиннее твоих. Причина наверняка в этом! Видишь ли, я на три дня старше тебя, и это даёт мне преимущество. Я ведь на три дня старше!

И этот взгляд на ситуацию, казалось, так развеселил Билли Уильямса, что он снова начал улыбаться всему миру и почувствовал, что может немного приободриться, как будто он выиграл гонку, а не проиграл ее. Так или иначе, у Седди Эррола был способ заставить людей чувствовать себя комфортно рядом с ним. Даже при первой триумфальной вспышке своей радости он вспомнил, что побеждённый человек, возможно, не испытывает такого ликования, как он, и ему хотелось верить того, что он мог бы стать победителем при других обстоятельствах.

В то утро мистер Хэвишем довольно долго беседовал с победителем забега – беседа, которая заставила его много раз улыбнуться злобноватой улыбкой и несколько раз потереть подбородок костлявой рукой.

Миссис Эррол вызвали из гостиной, и адвокат с Седриком остались вдвоем. Сначала мистер Хэвишем не знал, что сказать своему маленькому спутнику. У него мелькнула мысль, что лучше всего было бы сказать несколько слов, которые могли бы подготовить Седрика к грядущей встрече с дедом и, возможно, к тем великим переменам, которые несомненно должны были произойти с ним. Он видел, что Седрик не имеет ни малейшего представления ни о том, что ему предстоит увидеть, когда он доберётся до Англии, ни о том, какой дом его там ждёт. Ещё даже не понимал, что будет жить там вдали от матери. Миссис Эррол и мистер Хэмишем, посоветовавшись, решили, что лучше дать ему пережить первый шок самому, и не травмировать его преждевременными рассказами.

Мистер Хэвишем сидел в кресле по одну сторону открытого окна, по другую – стояло кресло побольше, и Седрик сидел в нём и пристально смотрел на мистера Хэвишема. Он сидел в глубине своего большого кресла, откинув кудрявую голову на мягкую спинку, скрестив ноги

и глубоко засунув руки в карманы, совсем как Мистер Гоббс в своей лавке. Он пристально наблюдал за мистером Хэвишем, когда его мама оставалась в комнате, и после её ухода продолжал смотреть на него с почтительной задумчивостью. После ухода миссис Эррол воцарилось короткое молчание, и Седрик, продолжил изучать мистера Джека. Он изучал мистера Хэвиша, а мистер Хэвиш, несомненно, изучал Седрика. Он никак не мог решить, что пожилой джентльмен может сказать маленькому мальчику, который выигрывал бега, и носит короткие панталоны и красные чулки на ногах, ноги которого были так малы, что свисали с большого кресла, не доставая до земли.

Но тут Седрик успокоил мистера Хэвиша, внезапно начав разговор сам.

– А знаете, – сказал он, – я ведь знать не знаю, что значит слово «граф».

– Неужто? – с деланным удивлением отреагировал мистер Хэвиш.

– Нет, – ответил Седди, – Я полагаю, что, когда мальчик собирается стать графом, он должен знать, что это значит.... Не так ли?

– Ну да! – ответил мистер Хэвиш.

– Не могли бы вы, – почтительно сказал Седди, – не могли бы вы расшифровать мне, что это такое – быть графом?

(Иногда, употребляя свои длинные слова, он произносил их не совсем правильно.) —

– Логично, – ответил мистер Хэвиш.

– Итак... Кто назначает человека графом?

– Во-первых, король или королева! – сказал мистер Хэвиш, – Обычно человек становится графом после того, как он оказал какую-то серьёзную услугу своему государю или совершил некий великий подвиг!

– О! – сказал Седрик, – тогда он вроде как президент!

– Неужели? – сказал мистер Хэвиш, – Разве ваших президентов избирают за великие заслуги?

– Да, – весело ответил Седди, – Когда человек очень хороший, умный и порядочный и много знает, его всегда избирают президентом. При этом проходят пышные факельные шествия и оркестры исполняют марши, а люди произносят речи. Я часто думал, что буду президентом, но никогда не думал о том, чтобы стать графом. Я ничего не знал о графах, – честно сказал он довольно поспешно, чтобы мистер Хэвиш не счел невежливым его нежелание стать графом, – если бы я знал о них, то, наверное, подумал бы, что неплохо стать ещё и графом.

– Это совсем не то, что быть президентом! – сказал мистер Хэвиш.

– Неужели? – спросил Седрик, – Каким образом? Разве в Англии нет факельных шествий?

Мистер Хэвиш скрестил ноги и осторожно соединил кончики пальцев. Он подумал, что, возможно, пришло время объяснить всё более ясно.

– Граф – это очень важная персона, – начал он.

– Как и президент! – вставил Седди, – Факельные шествия тянутся на целых пять миль, и кругом гремят пушки, летят ракеты и зажигаются фейерверки, а как оркестр играет! Мистер Гоббс водил меня смотреть на всё это!

– Граф, – продолжал Мистер Хэвиш, чувствуя некоторую шаткость в своих словах, – часто имеет очень древнее происхождение...

– Что это значит? – спросил Седди.

– Он из очень древней семьи, очень старинной, с древней родословной...

– А-а! – сказал Седрик, засунув руки поглубже в карманы, – Я полагаю, что так же обстоит дело и с женщиной- торговкой яблоками, которая торгует ими возле парка. Осмелюсь сказать, что она из древнего рода Лин-Ленаж. Она так стара, что вы удивитесь, как она умудряется ещё стоять на ногах. Ей лет сто, я думаю, и все же она стоит там в любую погоду, даже когда идёт дождь. Мне жаль ее, когда я её вижу, и другим мальчикам тоже. У Билли Уильямса когда-то

был почти доллар, и я попросил его покупать у нее яблоки на пять центов каждый день, пока он не истратит их все. Это заняло двадцать дней, и через неделю он устал от яблок. Но потом – это было очень удачно – один джентльмен дал мне пятьдесят центов, и я купил у неё все яблоки. Так жалко любого, кто беден и имеет такую древнюю родословную. Она говорит, что её старые кости коченеют, а в дождь ей совсем худо.

Мистер Хэвишем растерялся, глядя в невинное, серьёзное личико своего собеседника.

– Боюсь, вы меня не совсем поняли, – пояснил он, – Когда я сказал «древняя родословная», я имел в виду не старость, я имел в виду, что фамилия такой семьи было известно в мире уже очень давно, возможно, в течение многих сотен лет и человек, носящий это имя, был известен, знаменит и вошёл в историю своей страны...

– Как Джордж Вашингтон, – сказал Седди, – Я знал о нём с самого рождения, и о нём знали задолго до этого! Мистер Гоббс говорит, что его никогда не забудут! Это из-за Декларации Независимости, вы знаете, четвертого июля. Видите ли, он был очень храбрым человеком.

– Первый граф Доринкорт, – торжественно произнёс мистер Хэвишем, – обрёл титул и стал графом четыреста лет назад.

– Ну, хорошо! – сказал Седди, – Это было так давно? Вы сказали об этом Дорогуше? Это бы ей очень понравилось. Мы скажем ей, когда она придёт. Она любит слушать про всякие курьёзы. Что еще делает граф, кроме того, что его сделали?

– Очень многие из них помогали управлять Англией. Некоторые из них были храбрыми воинами и сражались в великих битвах старых времён!

– Я бы и сам хотел храбро сражаться! – сказал Седрик. – Мой папа был солдатом, и он был очень храбрым человеком – таким же храбрым, как Джордж Вашингтон. Возможно, поэтому он стал бы графом, если бы не умер. Я рад, что графы такие храбрые. Это отличное «преимущество» – быть храбрым человеком. Когда-то я очень боялся всяких вещей, и мне было страшно в темноте, знаете ли, но даже там, когда я думал о солдатах революции и о Джордже Вашингтоне, это меня всегда подбадривало.

– В том, чтобы иногда быть графом, есть и другое преимущество, – медленно проговорил Мистер Хэвишем и устремил на мальчика свои пронизательные глаза, теперь с довольно любопытным выражением, – У некоторых графов много денег!

Ему было любопытно, понимает ли его юный друг значение власти денег в обществе, и он решил выяснить это.

– Это хорошая вещь, – невинно сказал Седди, – Хотел бы я иметь много денег!

– О, как? – для видимости удивился мистер Хэвишем, – А зачем?

– Ну, – объяснил Седрик, – есть так много вещей, которые человек может сделать с деньгами. Видишь ли, вон к примеру, та женщина – это торговка яблоками. Если бы я был очень богат, я купил бы ей маленькую удобную палатку, чтобы поставить её лоток, и маленькую печку, а потом выдавал бы ей каждое утро по доллару, особенно когда бы шёл дождь, чтобы она могла позволить себе остаться дома. А потом – о! Я подарил бы ей тёплую пуховую шаль. И тогда, знаете ли, её костям не было бы так скверно. Её кости не чета нашим, у неё всё ноет, когда она двигается. Это очень больно, когда твои кости всё время болят. Если бы я был достаточно богат, чтобы сделать всё это для неё, я думаю, её кости были бы в полном порядке!

– Гм! – сказал мистер Хэвишем, – А что бы вы ещё делали, если бы были богаты?

– О! Я бы сделал очень много хороших вещей. Конечно, я должен закупить Дорогуше всяких красивых вещей: коробки с иглами, веера, золотые наперстки и кольца, энциклопедию и карету, чтобы ей не приходилось ждать трамваев. Если бы она любила розовые шелковые платья, я бы купил бы ей целую кучу, но она больше любит чёрное. Но я бы отвёл её в большие магазины и сказал, чтобы она осмотрелась и выбрала все вещи сама. А потом Дик...

– Кто такой Дик? – спросил Мистер Хэвишем.

– Дик – сапожник, негр, – сказал его юное сиятельство, строя в своём раскошегаренном воображении столь захватывающие планы, что голова кружилась, – Он один из самых милых негров, которых вы можете себе представить. Он стоит на углу улицы в центре города. Я знаю его уже много лет. Однажды, когда я был совсем маленьким, я гулял с Дорогушей, и она купила мне красивый мяч, который классно подпрыгивал, и я нёс его, и он отскочил на середину улицы, где летели экипажи и ржали лошади, и я был так огорчён, что заплакал – я ведь был совсем маленький. На мне был килт. А Дик чистил человеку ботинки и сказал: «Привет!». И, представляете, он проскользнул между лошадьми, выхватил мой мяч из-под колёс, вытер его своим плащом, отдал мне и сказал: «Все в порядке, юноша!» Моя Дорогуша очень им восхищалась, и я тоже с тех пор им восхищался, и теперь когда мы отправляемся в город, мы с ним всегда беседуем. Он говорит: «Привет!» и я говорю: «Привет!» – а потом мы немного поболтаем, и он порой делится со мной, как идёт торговля. В последнее время всё у него шло абы как!

– А что бы вы хотели для него сделать? – вкрадчиво спросил адвокат, потирая подбородок рукой и странно улыбаясь.

– Ну, – сказал лорд Фаунтлерой, с деловым видом усаживаясь в кресло, – я бы выкупил Джейка!

– А кто такой Джейк? – спросил мистер Хэвишем.

– Это компаньон Дика, и это самый худший из компаньонов, какие только можно вообразить! Дик так говорит. Он вредит бизнесу, и к тому же нечестный человек. Он жульничает, и это выводит Дика из себя. Знаешь, ты бы сам разозлился, если бы чистил ботинки из всех сил и всё время напролёт был честным, как ангел, а твой компаньон вовсе не был таким честнягой. Людям нравится Дик, но они терпеть не могут Джейка, и поэтому иногда они дважды не приходят. Так что, если бы я был богат, я бы выкупил Джейка и дал бы Дику знак «босс» – он говорит, что знак «босс» имеет большое значение; и я купил бы ему новую одежду и новые щётки, и всё у него бы сразу наладилось. Он говорит, что всё, чего он хочет, это начать вести бизнес честно!

Не могло быть ничего более пленительного и невинного, чем то, как его маленькая светлость рассказывал свою маленькую историю, тщательно цитируя обрывки жаргона своего друга Дика, и всё это с самой искренней непосредственностью. Он, казалось, не испытывал ни тени сомнения в том, что его пожилой спутник будет так же заинтересован этим рассказом, как и он сам. И по правде говоря, Мистер Хэвишем всем этим заинтересоваться, но, возможно, она заинтересовалась не столько Диком и яблочной торговкой, сколько этим добрым маленьком лордиком, чья кудрявая головка под жёлтой соломенной крышей была так занята благотворительными планами в отношении своих друзей и который, казалось, совсем забыл о себе.

– Есть что-нибудь ... – начал он, – что бы ты сделал для себя, если бы был богат?

– Много чего! – живо откликнулся лорд Фаунтлерой, – но сначала я дам Мэри денег на Бриджет – это её сестра, у которой двенадцать детей и муж без работы. Она приходит сюда и плачет, а Дорогуша даёт ей вещи в корзине, а потом та опять плачет и говорит: «Да благоловит тебя господь, моя прекрасная!» – И я думаю, что мистер Гоббс не отказался бы иметь золотые часы с цепочкой на память обо мне и хорошую пенковую трубку. А потом я хотел бы устроить собрание...

– Собрание?! – воскликнул Мистер Хэвишем.

– Как на республиканском митинге! – объяснил Седрик, приходя в сильное возбуждение, – У меня были бы факелы, униформа и все такое для всех мальчиков, да и для меня тоже. А мы бы маршировали, знаете ли, и строились бы. Вот чего бы я хотел бы для себя, будь я богат!

Дверь открылась, и вошла Миссис Эррол.

– Мне очень жаль, что я вынуждена была оставить вас одних так долго, – сказала она мистеру Хэвишему, – но ко мне пришла бедная женщина, у которой большие неприятности!

– Этот молодой джентльмен, – сказал мистер Хэвишем, – рассказывал мне о некоторых своих друзьях и о том, что он сделал бы для них, будь он несметно богат!

– Бриджит – одна из его подруг, – сказала миссис Эррол, – и именно с ней я разговаривала на кухне. Сейчас у нее большие неприятности, потому что у её мужа разыгрался сильный ревматизм!

Седрик соскользнул со своего большого кресла.

– Пожалуй, я пойду к ней, – сказал он, – и спрошу, как её самочувствие. Её муж – хороший человек, когда здоров. Я очень обязан ему, потому что он однажды выстругал мне прекрасный деревянный меч. Он очень талантливый человек.

Он выбежал из комнаты, а Мистер Хэвишем поднялся со стула. Казалось, у него было что-то на уме, о чём он пренебреженно хочет сказать.

Он немного поколебался, а потом, глядя на миссис Эррол сверху вниз, сказал:

– Перед тем как покинуть замок Доринкорт, я имел беседу с графом, в ходе которой он дал мне некоторые наставления и инструкции. Он желает, чтобы его внук с явным удовольствием предвкушал свою будущую жизнь в Англии, а также счастливое знакомство со своим дедушкой! Он сказал, что я должен сообщить его светлости, что перемена в его жизни принесёт ему деньги и удовольствия, которыми наслаждаются все дети и если он выразит какие-нибудь желания, я должен буду удовлетворить их и при этом ставить его в известность, что всему этому он обязан деду. Я знаю, что граф не ожидал ничего подобного; но если бы Лорду Фаунтлерою доставляло удовольствие помогать этой бедной женщине, я чувствовал бы, что граф был бы недоволен, если бы его не удовлетворили в этом желании.

Вторично мистер Хэвишем не стал повторять сказанное графом слово в слово. Его светлость действительно сказал:

– Пусть парень поймёт, что я могу дать ему всё, что он захочет. Пусть он узнает, что значит быть внуком графа Доринкорта. Купите ему всё, что он пожелает; пусть у него будут карманные деньги, и скажите ему, что это его дед положил деньги в его карман.

Как оказалось на поверку, его побуждения были далеки от добрых, и если бы он имел дело с натурой менее ласковой и сердечной, чем маленький лорд Фаунтлерой, это ещё неизвестно чем бы закончилось. А мать Седрика была слишком мягка, чтобы заподозрить что-то плохое. Она подумала, что, возможно, это означает, что одинокий, несчастный старик, чьи дети умерли, хотел быть добрым к её маленькому мальчику и завоевать его любовь и доверие. И ей было очень приятно думать, что Седди сможет помочь Бриджит. Она почувствовала себя счастливее, узнав, что самым первым результатом странной судьбы, постигшей её маленького сына, было то, что он мог делать добрые дела для тех, кто нуждался в доброте. Довольный тёплый румянец расцвел на её хорошеньком, юном личике.

– О! – сказала она, – Это было чрезвычайно любезно со стороны графа – Седрик будет так счастлив! Он всегда любил Бриджит и Майкла. Они вполне этого заслуживают. Я часто жалела, что не в состоянии помочь им больше. Майкл – трудолюбивый человек, когда он здоров, но он долго болел и нуждается в дорогих лекарствах, тёплой одежде и здоровой пище. Он и Бриджит не будут тщетно расточать то, что им дано!

Мистер Хэвишем сунул свою костлявую руку в нагрудный карман и вытащил оттуда большой толстый бумажник. На его пронизательном лице появилось странное выражение. По правде говоря, ему было интересно, что скажет Граф Доринкорт, когда ему донесут, какое первое желание его внука было исполнено. Интересно, подумал он, что подумает об этом злой, жадный, эгоистичный старый аристократ?

– Не знаю, поняли ли вы, – сказал он, – что граф Доринкорт чрезвычайно богат. Он может позволить себе удовлетворить любой каприз. Я думаю, ему было бы приятно узнать, что любые фантазии лорда Фаунтлероя были воплощены. Если вы позовете его обратно и позволите, я дам ему пять фунтов на этих людей!

– Да ведь это двадцать пять долларов! – воскликнула миссис Эррол, – Им это покажется целым состоянием! Я с трудом верю своим глазам!

– Совершенно верно, – сухо улыбнулся мистер Хэвишем, – В жизни вашего сына произошла большая перемена, в его руках будет теперь находиться большая власть!

– О! – воскликнула его мать, – А он такой маленький мальчик – совсем маленький! Как я могу научить его правильно пользоваться своим достоянием? Я так боюсь за него! Мой милый маленький Седди!»

Адвокат слегка закашлялся. Его расчётливое, жесткое, старое сердце тронул нежный, робкий взгляд её карих глаз.

– Я думаю, сударыня, – сказал он, – что, если судить по моей утренней беседе с Лордом Фаунтлероем, следующий граф Доринкорт будет думать не только о себе, но и о других. Он ещё совсем ребенок, но я думаю, что ему можно вполне доверять!

Потом мать пошла за Седриком и привела его обратно в гостиную. Мистер Хэвишем услышал его звонкий голос ещё до того, как вошёл в комнату.

– Это печально известный ревматизм, – говорил он, – ужасная, безжалостная болезнь. И он озабочен тем, что аренда не оплачена, и Бриджит говорит, что это убивает его. И Пэт мог бы получить место в магазине, если бы у него была хоть какая-нибудь одежда!

Когда Седрик вошёл, на его маленьком личике было написано беспокойство. Ему было очень жаль Бриджит.

– Дражайшая сказала, что я вам нужен, – обратился он к мистеру Хэвишему, – Я беседовал с Бриджит!

Мистер Хэвишем посмотрел на него сверху вниз. Он чувствовал себя чуть неловко и был в нерешительности. Как сказала мать Седрика, это был совсем маленький мальчик.

– Граф Доринкорт... – начал он и невольно взглянул на миссис Эррол.

Мать маленького лорда Фаунтлероя вдруг опустилась рядом с ним на колени и ласково обняла его хрупкое детское тельце обеими руками.

– Седди, – сказала она, – Граф – твой дедушка, отец твоего родного папы. Он очень, очень добрый, и он любит тебя и хочет, чтобы ты любил его, потому что сыновья, которые когда-то были его маленькими мальчиками, мертвы. Он хочет, чтобы ты был счастлив и делал счастливыми других людей. Он очень богат, и хочет, чтобы у тебя было всё, что ты хотел бы иметь. Он сказал об этом мистеру Хэвишему и дал ему для тебя много денег. Ты можешь дать немного Бриджит сейчас, этого достаточно, чтобы оплатить её аренду и купить Майклу всё необходимое. Разве это не прекрасно, Седди? Разве он не хорош?

И она поцеловала ребенка в его круглую щечку, где от возбужденного изумления вдруг вспыхнул яркий румянец.

Он перевел взгляд с матери на Мистера Хэвишема.

– Можно мне взять всё сейчас? – воскликнул он, – Могу ли я отдать ей всё сию же минуту? Она сейчас должна уходить!

Мистер Хэвишем протянул ему деньги – пять новеньких, свежих, чистых, как будто только что отпечатанных и аккуратно свернутых зелёных бумажек.

Седди вылетел из комнаты вместе с купюрами.

– Бриджит! – они слышали его крик, донёсшийся из кухни, – Бриджит, подожди минутку! Вот немного денег. Это для вас, и вы можете оплатить аренду. Мне его подарил дедушка. Это для тебя и Майкла!

– О, Мастер Седди! – воскликнула Бриджит испуганным голосом, – Да тут тватцать пять толларс! Где же ваша мама? Что она скажет?

– Думаю, мне придется пойти на кухню и всё ей разъяснить! – сказала миссис Эррол.

Она тут же вышла из комнаты, и Мистер Хэвишем на некоторое время остался один. Он подошел к окну и задумчиво посмотрел на улицу. Он думал о старом графе Доринкоре, сидя-

щем сейчас в замке, в своей огромной, великолепной, мрачной библиотеке, разбитый подагрой и крайне одинокий, окруженный величием и роскошью, но по-настоящему никем не любимый, потому что за всю свою долгую жизнь он никогда по-настоящему сам не любил никого, кроме себя. Он был эгоистичен, любил потакать своим прихотям, высокомерен и распутен. Граф Доринкорт так обожал свои собственные удовольствия, что у него не было времени думать об интересах других людей; все его богатство и власть, все выгоды от его благородного имени и высокого звания казались ему вещами, которые нужно использовать только для того, чтобы развлекаться и доставлять удовольствие себе любимому – графу Доринкору; а теперь, когда он стал стариком, все эти волнения и потворство своим желаниям приносили ему только скверное самочувствие, раздражительность и неприязнь к миру, который, конечно же, отвечал ему тем же и не любил его. Несмотря на всё свое великолепие, не было более презираемого старого аристократа, чем старый граф Доринкорт, и вряд ли нашёлся бы более одинокий в мире человек. Он мог бы наполнить свой замок гостями, если бы захотел. Он мог бы устраивать роскошные балы и великолепные охотничьи вечеринки, но он знал, что втайне люди, благосклонно принимавшие его приглашения, боялись его хмурого старого лица и саркастических, язвительных речей. У него был жестокий, острый язык и тяжёлый нрав, и когда у него была такая возможность, он получал удовольствие, насмехаясь над окружающими и заставляя их чувствовать себя униженными и оскорблёнными, в особенности тогда, когда они были горды, самолюбивы или робки по натуре.

Мистер Хэвишем знал наизусть его жестокие повадки и думал о нём, глядя в окно на тесную, тихую улицу. И перед его мысленным взором встал резкий контраст: весёлый, красивый малыш сидит в большом графском кресле и рассказывает о своих друзьях – Дике и торговке яблоками, в своей открытой, свободной, честной манере. И он подумал об огромных доходах, прекрасных, величественных поместьях, богатстве и власти человека над ними во имя добра или зла, которые со временем окажутся в маленьких пухлых ручках маленького лорда Фаунтлероя, так глубоко засунутых в карманы.

– Это будет иметь серьёзные последствия! – сказал он себе, – Это будет иметь серьёзные последствия!

Вскоре Седрик и его мать вернулись в комнату. Седрик был в приподнятом настроении. Он уселся в своё огромное кресло, между матерью и адвокатом, и, приняв одну из своих фирменных причудливых поз, замер, положив руки на колени. Он сиял от удовольствия и радости, видя облегчение и восторг Бриджит.

– Она заплакала! – сказал он, – Она сказала, что рыдает от радости! Я никогда раньше не видел, чтобы кто-то так рыдал от радости! Мой дедушка, должно быть, очень хороший человек! Я и не знал, что он такой хороший, добрый человек! Теперь я уверен, что быть графом гораздо приятнее, чем я думал раньше. Я почти рад – я рад всем сердцем, что стану одним из них!

Глава III

Мистер Хэвишем

В течение следующей недели мнение Седрика о достоинствах и преимуществах обладания графским титулом значительно возросло и укрепилось. Ему казалось почти невозможным осознать, что есть нечто такое, чего он не мог бы достичь теперь легко; на самом деле, я думаю, можно сказать, что он вообще не осознавал этого в полной мере. Но, по крайней мере, после нескольких бесед с мистером Хэвишем он понял, что может удовлетворить все свои самые сокровенные желания, и он стал пользоваться этим с той простотой и восторгом, которые доставляли мистеру Хэвишему массу удовольствия. За неделю до отплытия в Англию он совершил много прелюбопытнейших поступков. Ещё долго потом адвокат вспоминал утро, когда они вместе отправились в город, чтобы навестить Дика, и тот день, когда они так поразили воображение торговли яблоками, происходившей из загадочного древнего рода, остановившись перед её жалким, старым лотком и сказав ей, что у неё теперь будет своя палатка, печка, шаль и целая куча денег, которая, кстати сказать, показалась ей совершенно заоблачной.

– Я делаю это потому что должен уехать в Англию и стать лордом, – объяснил ей Седрик ласково, – И мне бы не хотелось, чтобы каждый раз, когда идёт дождь, меня мучило воспоминание о твоих костях, которые мёрзнут на холоде. Мои кости пока что не болят, и я не знаю, как сильно могут болеть кости старого человека, но, поверь мне, я очень сочувствую тебе, и надеюсь, что тебе станет лучше.

– Она лучшая в мире продавщица яблок, – сказал он мистеру Хэвишему, когда они уходили, оставив хозяйку ларька ошалевшей от радости и совершенно не верящей в свалившееся ей на голову великое счастье, – Однажды, когда я упал и порезал колено, она всучила мне яблоко даром. Я всегда был благодарен ей за это. Вы знаете, что всегда надо помнить людей, которые добры к вам!

Его честному, простому маленькому уму было невдомёк, что есть люди, которые могут легко забыть чужую доброту.

Рандеву с Диком было довольно захватывающим. У Дика только что были большие неприятности с Джейком, и он был в плохом настроении, когда они увидели его. Его изумление, когда Седрик спокойно объявил, что они пришли, чтобы дать ему то, что казалось ему очень важным, и исправить все его проблемы, почти лишило его дара речи. Манера лорда Фаунтлероя объявлять о цели своего визита была очень проста и бесцеремонна. Мистер Хэвишем был очень впечатлён её прямоотой, когда стоял рядом и слушал. Заявление о том, что его старый друг стал лордом и ему скоро грозит стать графом, если он сможет протянуть на этом свете достаточно долго, заставило Дика так вылупить глаза и раззявить рот, так вздрогнуть, что с него слетела фуражка. Когда он поднял её, то издал довольно странный громкий звук. Мистеру Хэвишему это показалось довольно странным, но Седрик уже слышал такие звуки раньше.

Что случилось? Ты трезв, сынок? Тебя не опоили случайно? – вопрошал Дик. Такое обращение явно смутило его светлость, но он держался храбро.

– Сначала все думали, что это шутка, – сказал он. – Мистер Гоббс решил, что у меня случился солнечный удар. Я и не думал, что мне всё это понравится, но теперь, когда я привык, мне очень нравится такая жизнь. Старый граф, мой дедушка, и он хочет, чтобы я делал всё, что мне заблагорассудится. Он очень добр, если он граф; и он прислал мне много денег вместе с мистером Хэвишем, и я дал их вам, чтобы выкупить Джейка.

А кончилось всё тем, что Дик действительно выкупил Джейка и оказался обладателем бизнеса, нескольких новых кистей и самой удивительной вывески и костюма. Он не мог пове-

рять в свою удачу так же долго, как не могла в неё поверить женщина – яблочница из древнего загадочного рода, и как во сне ошалело хлопал глазами, глупо глаза на своего благодетеля, уверенный, что спит и может проснуться в любую секунду. Он, казалось, ничего не понимал, пока Седрик не протянул ему руку для рукопожатия, прежде чем уйти.

– Ну, до свидания, – сказал он и, хотя старался говорить спокойно, но голос его предательски дрожал, и его большие карие глаза вдруг заморгали. – Я надеюсь, что у тебя всё будет хорошо. Мне жаль, что я уезжаю, и покидаю вас, но, возможно, я вернусь снова, когда стану графом. И я хочу, чтобы ты мне написал, потому что мы всегда были хорошими друзьями. А если ты мне напишешь, то вот куда ты должен отправить свое письмо!

И он протянул ему листок бумаги.

Меня зовут теперь не Седрик Эррол, а лорд Фаунтлерой и... и до свидания, Дик!

Дик тоже подмигнул, и всё же ресницы у него были мокры от слёз. Он был негром и был совершенно безграмотен, и ему было бы трудно выразить в тот момент, что он чувствовал, даже если бы он попытался. Возможно, поэтому он и не пытался, а только моргнул и проглотил комок в горле.

– Я бы не хотел, чтобы ты уезжал! – сказал он хриплым голосом. Потом он снова подмигнул. Затем он взглянул на Мистера Хэвишема и стал мять фуражку.

– Слава богу, сэр, что вы привезли его сюда, а он... он такой странный малый, – добавил он, – У меня на руках целая куча таких, как он! Он такой забавный маленький мальчик, такой странный, такой добрый маленький мальчик!

А когда они повернулись и пошли прочь, он долго стоял и смотрел им вслед с совершенно ошеломлённым видом, глаза его застилали слёзы, а в горле стоял комок, он смотрел на галантную маленькую фигурку, весело марширующую рядом со своим высоким, напряжённым эскортом до тех пор, пока она не исчезла за углом.

До самого отъезда его светлость проводил всё своё время в магазине мистера Гоббса. Мистер Гоббс от этих вестей погрузился в уныние, он был очень подавлен. Когда его юный друг торжественно вручил ему на прощание золотые часы с цепочкой, Мистер Гоббс с трудом принял подарок. Он положил футляр на свое крепкое колено и несколько раз громко высморкался.

– На нём кое-что написано, – сказал Седрик, – Там, внутри футляра. Я сам говорил ему, что писать – «От его старого друга, лорда Фаунтлероя, к мистеру Гоббсу». Когда будешь видеть это, вспоминай обо мне! Мне так не хочется, чтобы ты забывал меня!

Мистер Гоббс снова громко высморкался.

– Я никогда не забуду тебя! – сказал он чуть хриловато, таким же голосом, как говорил Дик, – и ты не забудь меня, когда окажешься среди британской аристократии!

– Я не забуду тебя, кто бы я ни был, – ответил Его Светлость, – Я провёл с тобой самые счастливые часы жизни, по крайней мере, многие из моих самых счастливых часов. Надеюсь, ты когда-нибудь вернёшься ко мне. Я уверен, что мой дедушка был бы этим очень доволен. Возможно, он напишет и пригласит тебя, когда я расскажу ему о тебе. Ты ведь не будешь возражать, если он окажется графом, я имею в виду, что ты не останешься в стороне только потому, что приглашение приехать будет исходить от графа?

– Я бы приехал к вам, – любезно ответил мистер Гоббс.

Таким образом, было решено и согласовано, что если он получит от графа официальное приглашение приехать и провести несколько месяцев в замке Доринкорт, то должен отбросить свои республиканские предрассудки и немедленно паковать чемодан.

Наконец все приготовления были закончены; настал день, когда сундуки отвезли на пароход, и настал час, когда карета стояла у дверей их дома. И тут на мальчика нахлынуло странное чувство одиночества. Его мама уже давно заперлась в своей комнате; когда она спустилась по лестнице, ее глаза были большими и мокрыми, а её прелестные губы дрожали. Седрик подошёл к ней, и она наклонилась к нему, и он обнял её, и они поцеловались. Он знал, что они оба

о чём-то сожалеют, хотя и не понимал, о чем именно, но одна трогательная маленькая мысль поднялась к его губам.

– Нам было хорошо в нашем маленьком доме, Дорогуша, не так ли? – сказал он, – Нам никогда не забыть о жизни в нём, не так ли?

– Да-да, – ответила она тихим, добрым голосом. – Да, дорогой!

А потом они сели в карету, и Седрик сел очень близко к матери, и когда она снова посмотрела в окно, он посмотрел на неё, погладил её руку и прижал к себе.

А потом, казалось почти мгновенно, они оказались на пароходе в самой дикой суматохе и неразберихе; экипажи съезжали вниз и высаживали пассажиров; пассажиры приходили в волнение из-за багажа, который еще не прибыл и грозил опоздать; большие сундуки и чемоданы стучали и гремели, когда их втаскивали на палубу; матросы разматывали канаты и сновали туда-сюда; офицеры отдавали приказы и команды, но никто не спешил. Дамы и Господа, дети и няньки поднимались на борт, некоторые смеялись и выглядели весёлыми, некоторые молчали и грустили, кое-где двое или трое плакали и прикасались к глазам носовыми платками. Седрик обнаружил, что со всех сторон его есть что-то интересное; он смотрел на груды канатов, на свёрнутые паруса, на высокие-высокие мачты, которые, казалось, почти касались жаркого голубого неба; он начал строить планы, как побеседовать с моряками и получить кое-какие сведения о пиратах.

Только в самый последний момент, когда он стоял, облокотившись на перила верхней палубы, и наблюдал за последними приготовлениями, наслаждаясь волнением и криками матросов и причальщиков, его внимание привлекла небольшая суeta в одной из групп неподалеку от него. Кто-то торопливо пробивался сквозь эту группу и пытался прорваться к нему. Это был мальчик с чем-то красным в руке. Это был Дик. И он держал в руках длинный красный шарф. Он подбежал к Седрику, совсем запыхавшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.